

ЖИЗНЬ С ЛЮБОВЬЮ 2

Тухватулин Тамерлан

Жизнь с любовью 2

«Автор»

2026

Тамерлан Т.

Жизнь с любовью 2 / Т. Тамерлан — «Автор», 2026

В прошлый раз вы встретили эстеллу, которую бросили родители и оставили на произвол судьбы. Эстелла добрая ласковая и милая. Но что будет дальше?

© Тамерлан Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1 детство эстелла	6
Глава 2 спать	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тухватулин Тамерлан

Жизнь с любовью 2

Вступление

****Предупреждение от автора**** Данный текст является художественным вымыслом. Все персонажи, события и диалоги придуманы — любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны. Возрастное ограничение: 16+. Автор не несёт ответственности за прочтение данного произведения лицами младше установленного возраста. В книге указан возрастной ценз — родителям и законным представителям рекомендуется обращать на это внимание при выборе литературы для детей. Содержание может включать эмоционально напряжённые сцены, описания тяжёлых переживаний и сложных жизненных ситуаций. Читателю стоит самостоятельно оценить свою готовность к восприятию подобного материала.

Глава 1 детство эстелла

Глава 1. Детство Эстеллы

В нашей гостиной было уютно, как бывает только в тех домах, где живут те, кто по-настоящему друг друга любит. Мягкий свет лампы ложился на подушки, на старый плед, который Киладоша связала ещё в первые месяцы нашей совместной жизни, на чашки с чаем — и на наши лица. Элара сидела, прижавшись к Киладоше, её маленькие кошачьи ушки подрагивали всякий раз, когда кто-то говорил чуть громче обычного, а хвост то сворачивался в тугое кольцо, то вдруг распрямлялся, выдавая волнение. Я устроился в кресле напротив, поджав одну ногу, и смотрел на Эстеллу. Она сидела чуть в стороне, будто хотела быть с нами, но в то же время боялась слишком приблизиться, словно боялась, что уют рассыплется от одного неловкого движения. Мы давно хотели услышать её историю. Не обрывки, не намёки, не те короткие фразы, которые она бросала, когда разговор случайно задевал прошлое. Мы хотели понять, откуда в её взгляде эта тень, почему она иногда замирает, услышав резкий звук, почему, когда Киладоша обнимает её, она сначала напрягается, а потом вдруг обмякает, будто из неё уходит весь страх. И сегодня, когда за окном наконец-то перестал лить дождь, когда дом стал похож на крепость, закрытую от всего мира, Эстелла вдруг тихо сказала:— Я расскажу. Если вы правда хотите знать. Киладоша кивнула, не отпуская Элара, но чуть ослабив объятия, чтобы дать Эстелле почувствовать: никто не будет давить. Я наклонился вперёд, положил локти на колени и постарался сделать голос как можно мягче:— Мы хотим. Мы здесь. И мы не осудим. Что бы ты ни сказала. Эстелла посмотрела на меня долгим взглядом, будто проверяла, правду ли я говорю. Потом перевела глаза на Киладошу, потом на Элара, которая смотрела на неё с доверчивым любопытством — она ещё не знала, что некоторые истории могут быть тяжёлыми, но чувствовала, что сейчас происходит что-то важное. И тогда Эстелла начала.— Моё детство... оно не было таким, как у вас, — проговорила она, и её голос дрогнул, но она тут же сжала пальцы в кулаки, будто приказывая себе держаться. — Я почти не помню, когда всё началось. Кажется, что я всегда жила в этом месте. В том городе, где небо было серым даже летом, где ветер всегда дул с такой силой, что казалось, он хочет сдуть с земли всё живое. Там не было парков, где можно бегать, не было скамеек, на которых можно сидеть и смотреть, как солнце садится. Там были только узкие улицы, серые стены, и люди, которые спешили мимо, не поднимая глаз. Она замолчала, будто прислушиваясь к себе, и я заметил, как её когти чуть-чуть показались из подушечек пальцев, а потом снова спрятались. Киладоша тихо вздохнула, но ничего не сказала — она знала, что иногда самое правильное, что можно сделать, — это просто слушать.— Меня отдали туда, когда я была совсем маленькой, — продолжила Эстелла, глядя не на нас, а куда-то сквозь стену, будто видела там картины своего прошлого. — Не знаю, сколько мне было — может, три, может, четыре. Помню только, что однажды я проснулась не в тёплой кровати, где пахло молоком и ванилью, а на жёстком матрасе в комнате, где пахло пылью и металлом. Там было много кроватей, все одинаковые, все стояли ровно, как солдаты на параде. И там были другие дети. Некоторые плакали по ночам, некоторые уже не плакали вовсе, будто научились прятать свой страх так глубоко, что он становился невидимым. Элара тихонько пискнула, прижимаясь к Киладоше ещё крепче. Киладоша опустила голову и поцеловала её в макушку, но не стала ничего говорить — просто дала ей почувствовать, что она в безопасности.— Сначала я тоже плакала, — тихо призналась Эстелла. — Я звала маму, звала папу, хотя почти не помнила их лиц. Я думала, что они придут и заберут меня, что это какая-то ошибка. Но никто не приходил. А потом я поняла, что никто и не придёт. И тогда я перестала звать. Её голос стал тише, будто слова давались ей всё труднее. Я хотел встать, подойти к ней, обнять, но что-то подсказывало мне, что сейчас ей важнее не прикосновение, а то, чтобы её просто слушали, не перебивая, не пытаясь сразу всё исправить.— Там были взрослые, — сказала Эстелла, и в её голосе появилась горечь, от которой становилось холодно даже в тёп-

лой комнате. — Они не били нас. По крайней мере, не так, как показывают в фильмах. Они не кричали и не размахивали руками. Они делали хуже: они учили нас не чувствовать. Они говорили, что слёзы — это слабость, что страх — это ошибка, что если ты хочешь выжить, ты должен стать тихим, незаметным, послушным. И мы становились такими. Мы учились не плакать, не просить, не надеяться. Мы учились быть удобными. Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается гнев, смешанный с болью. Мне хотелось сказать: «Это несправедливо, это неправильно», но я молчал, потому что знал: сейчас важнее не мои слова, а её. — А потом всё стало ещё хуже, — прошептала Эстелла, и её уши прижались к голове, как у кошки, которая чувствует опасность. — Меня забрали оттуда. Не чтобы спасти. Не чтобы подарить мне семью. Меня забрали, чтобы использовать. Я попала в дом, где ценили не доброту, не заботу, не любовь, а силу. Там считали, что если у тебя есть когти и острые зубы, если ты можешь быть быстрой и незаметной, если ты умеешь прятаться в тени и появляться там, где тебя не ждут, — ты стоишь чего-то. И меня учили этому. Меня учили быть оружием. На этом месте голос Эстеллы дрогнул, и она замолчала. В комнате стало тихо, только слышно было, как тикают часы на полке и как тихо дышит Элара, прижавшись к Киладоше. Я посмотрел на Киладошу — её глаза были полны слёз, но она не плакала, она просто слушала, крепко прижимая к себе дочку, будто хотела защитить её не только от настоящего, но и от прошлого, которое сейчас оживало в словах Эстеллы. — Мне было страшно, — наконец прошептала Эстелла, и впервые за всё время её голос прозвучал не как рассказ о чём-то далёком, а как крик о помощи, который она сдерживала годами. — Я боялась не только тех, кто меня учил, не только их приказов и наказаний. Я боялась самой себя. Потому что я видела, как во мне растёт что-то холодное и острое, что-то, что хотело выжить любой ценой. И я боялась, что однажды оно победит, что я стану такой же, как они. Что я забуду, как быть доброй, как улыбаться, как радоваться простым вещам. Я не выдержал и встал. Подошёл к ней, опустился на колени рядом с её стулом и осторожно, будто она была хрупкой, как стекло, взял её руки в свои. Её пальцы были холодными, и я постарался согреть их своим теплом. — Ты не стала такой, — тихо сказал я. — Ты другая. Ты добрая. Ты умеешь заботиться. Ты любишь. И это самое главное. Эстелла подняла на меня глаза, в которых стояли слёзы, но она не дала им пролиться. Она сжала мои пальцы, будто цеплялась за что-то настоящее, за что-то, что не могло её предать. — Я долго не верила в это, — призналась она. — Долго думала, что во мне нет ничего хорошего, что всё, что я умею, — это прятаться и нападать. Но потом я встретила вас. И вы не требовали от меня быть сильной. Вы не просили меня быть оружием. Вы просто приняли меня. И постепенно я начала верить, что, может быть, во мне есть что-то ещё. Киладоша тихо подвинулась, освобождая место рядом с собой, и мягко позвала: — Иди сюда. Эстелла медленно встала, подошла и села рядом с Киладошей, позволив ей обнять себя. Элара потянулась к ней и осторожно положила голову ей на плечо, как будто хотела сказать без слов: «Ты не одна». — Спасибо, что рассказали, — прошептала Эстелла, будто эти слова были самыми трудными из всех, что она произнесла сегодня. — Я боялась, что, если расскажу, вы посмотрите на меня по-другому. Что увидите во мне только прошлое. — Мы видим тебя, — сказала Киладоша, прижимая её крепче. — Всю тебя. И твоё прошлое — это часть тебя, но не вся ты. Ты больше, чем твои страхи. Ты больше, чем те годы, когда тебе приходилось быть сильной, чтобы просто выжить. Я сел на своё место, но теперь мне не хотелось просто сидеть. Мне хотелось сделать что-то, чтобы этот вечер не был только о боли. Чтобы в нём было и что-то хорошее. — Знаешь, что самое удивительное в твоём рассказе? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и уверенно. — То, что, несмотря на всё, что тебе пришлось пережить, ты не потеряла способность чувствовать. Ты можешь бояться, можешь злиться, можешь грустить, но ты не закрылась от мира. Ты позволила себе снова доверять. И это, наверное, самое сильное, что только может быть. Эстелла слабо улыбнулась — так, будто сама не верила, что может улыбаться после таких слов. Но улыбка была настоящей, и в ней было столько облегчения, что мне захотелось

запомнить этот момент навсегда. — А теперь, — сказала Киладоша, чуть отстраняясь, но не отпуская Эстеллу, — давай сделаем так, чтобы сегодняшний вечер был не только о прошлом. Давай вспомним что-нибудь хорошее. Что-нибудь из того времени, когда ты уже была с нами. Что-то, что заставляет тебя улыбаться. Эстелла задумалась, а потом её глаза чуть расширились, и на лице появилась настоящая улыбка — та, которая идёт из самого сердца. — Помню, как мы все вместе пекли печенье, — сказала она. — Оно горело по краям, потому что мы забыли про таймер, и мы ели его прямо с противня, обжигая языки, и смеялись, потому что оно было странным на вкус. Но это было самое вкусное печенье в моей жизни. Элара хихикнула, будто вспомнила тот день. — И ещё, — добавила Эстелла, — помню, как ты, Киладоша, пыталась научить меня вязать, и у меня всё путалось, и нитки летели по всей комнате, и ты не злилась, а смеялась и говорила, что это новый стиль. Киладоша рассмеялась, и этот смех был как солнечный луч, который пробивается сквозь тучи. — Это был авангардный стиль, — подхватила она, подмигивая. — Очень модный. Я тоже улыбнулся, чувствуя, как тяжесть, которая повисла в воздухе, постепенно уходит, уступая место чему-то тёплому и живому. — Значит, у нас есть два великих достижения, — сказал я, делая вид, что серьёзно всё обдумываю. — Сгоревшее печенье и авангардная вязка. Думаю, этого достаточно, чтобы основать музей. Все рассмеялись, и смех звучал так, будто он смывал остатки старых страхов, оставляя место для новых воспоминаний — тех, которые будут светлыми и добрыми. Эстелла сидела между Киладошей и Эларой, и в её глазах уже не было той тени, которая жила там раньше. Она всё ещё держала мою руку, и её пальцы уже не были такими холодными. Она была здесь, с нами, в нашем доме, в нашей семье, и это было самое главное. И в тот вечер я понял одну вещь: прошлое нельзя стереть, но его можно переплести с новым, с тем, что строится день за днём, из простых вещей — из смеха, из объятий, из разговоров, из того, что ты не один. И именно это мы и будем делать. Вместе.

Глава 2 спать

Глава 2. Спать. День будто выдыхался постепенно, капля за каплей теряя свою яркость. Солнце давно скатилось за крыши домов, и теперь в окнах отражались не золотые лучи, а мягкий свет уличных фонарей, похожий на маленькие жёлтые маячки. В квартире становилось тише с каждой минутой: уличный шум за окном всё больше растворялся в вечерней тишине, а внутри дома звуки становились мягче, будто сами подстраивались под наступающий покой. Мы все собрались в гостиной — я, Киладоша, Элара, Эстелла и Уголёк. Элара сидела на ковре, прижимая к себе плюшевого зверька, которого Киладоша сшила ей пару недель назад. Ушки у игрушки были чуть длиннее, чем нужно, а хвост — немного кривоват, но для Элара это был самый дорогой подарок на свете. Она то прижимала его к щеке, то вдруг поднимала и показывала всем, будто хотела убедиться, что мы все его видим и ценим. — Ну что, малыши, — улыбнулась Киладоша, поправляя плед, который сполз с плеч Элара, — пора готовиться ко сну. Завтра день будет длинный, и всем нужно хорошенько отдохнуть. Элара вздохнула, но без настоящей обиды — скорее, так вздыхают, когда знают, что правила нерушимы, но всё равно хочется ещё хоть пять минут пожить в этом уютном дне. — А можно я ещё немножко посижу? — протянула она, глядя на всех по очереди своими большими глазами, в которых ещё плясали отголоски дневного веселья. Я подошёл, присел рядом с ней на корточки и мягко улыбнулся: — Ещё немножко можно. Но только немножко. А потом — в кровать, под одеяло, где тепло и уютно, и где сны приходят самые добрые. Эстелла стояла чуть в стороне, наблюдая за этой сценой с лёгкой улыбкой. В её взгляде было что-то особенное — будто она впервые по-настоящему видела, как выглядит настоящая семейная забота, и старалась запомнить каждую деталь: как Киладоша наклоняется, чтобы поцеловать Элара в макушку, как я тихо смеюсь над какой-то нелепой, но милой фразой, как сам воздух в комнате становится гуще от тепла и спокойствия. — Знаешь, — тихо сказала она, обращаясь ко мне, но так, чтобы слышали все, — я раньше думала, что укладывание спать — это просто «ложись и спи». А тут... тут это как будто целый ритуал. Как будто день аккуратно складывают и убирают до утра, чтобы он не потерялся. Киладоша подняла на неё глаза, в которых мелькнуло понимание: — Да. Именно так. Мы не просто гасим свет. Мы говорим дню: «Спасибо, ты был хорошим», и говорим ночи: «Мы готовы. Приходи, мы хотим отдохнуть». Уголёк, который до этого момента тихо сидел в углу и делал вид, что он самый спокойный и воспитанный кот на свете, вдруг резко сорвался с места. Его хвост распушился, уши встали торчком, а глаза загорелись тем самым озорным блеском, который всегда предвещал неприятности. Он промчался по комнате, сбив на ходу маленькую подушку, затем вихрем влетел на диван, спрыгнул с другой стороны и, не сбавляя скорости, рванул в коридор. — Уголёк! — хором воскликнули мы, но было уже поздно. Он не собирался останавливаться. Для него вечер только начинался. Это были его законные ночные забеги — священный ритуал, без которого он просто не мог уснуть. Сначала по коридору туда-сюда, потом прыжок на шкаф (но не дотягиваясь, конечно, потому что шкаф был слишком высоким), затем стремительный разворот и бег обратно, мимо всех нас, так близко, что его пушистый бок едва не задевал колени. Элара засмеялась, забыв про свою грусть из-за скорого отбоя: — Он как ракета! Смотри, смотри, он опять летит! И правда, Уголёк снова мчался через комнату, будто за ним гналась целая армия невидимых врагов. Он резко тормозил у стены, царапал её когтями (совсем чуть-чуть, почти не оставляя следов), делал крутой вираж и снова устремлялся вперёд, оставляя за собой вихрь из шерсти и безудержной энергии. — Ну вот, — покачала головой Киладоша, но в её голосе не было настоящего раздражения, только мягкая усталость и привычная нежность к этому вечному двигателю, — теперь придётся ждать, пока он выпустит пар. Иначе спать не ляжет. Мы устроились кто где: я сел на диван, Киладоша присела рядом, Элара примостилась между нами, крепко сжимая своего плюшевого друга, а

Эстелла села на пуфик напротив, поджав ноги и обняв колени. Мы просто сидели и наблюдали за этим маленьким хаосом, который создавал Уголёк, и в этом было своё очарование. В его беготне было столько жизни, столько чистой, незамутнённой радости, что даже усталость отступала, уступая место тихому веселью. Наконец, после десятого круга по квартире, Уголёк резко остановился посреди комнаты, тяжело дыша, с высунутым языком и безумным взглядом, в котором читалось: «Я сделал это. Я победил ночь». Он покрутился на месте, будто искал что-то, чего не хватало для полного счастья, а потом, не найдя, просто плюхнулся на бок и растянулся на полу, раскинув лапы в разные стороны, как будто только что завершил величайшее приключение в своей жизни.— Вот теперь можно и спать, — пробурчал он, хотя на самом деле это было больше похоже на довольное мурчание, чем на слова. Мы рассмеялись. Даже Эстелла не смогла сдержать улыбку.— Ладно, герой, — сказала Киладоша, наклоняясь, чтобы подхватить Уголька на руки, — ты заслужил свой отдых. Но спать будешь у себя, а не на моей подушке. Уголёк не возражал. Он уже был слишком вымотан, чтобы спорить. Он только уткнулся носом в её плечо и тихо замурчал, признавая временное поражение. Пора было расходиться по комнатам. Элара взяла меня за руку, будто боялась, что если отпустит, то волшебство вечера исчезнет. Мы пошли вместе с ней и Эстеллой к их комнате. Дверь открылась с лёгким скрипом, впуская нас в маленький мир, который мы создали специально для них: стены были расписаны рисунками, которые Элара делала цветными мелками, на полке стояли любимые книжки, а на кровати лежали подушки в форме звёзд и лун.— Можно я посвечу фонариком? — тихо спросила Элара, уже забираясь под одеяло.— Только недолго, — улыбнулась Эстелла, подходя к кровати и садясь на край. Она вдруг почувствовала себя нужной, важной — будто именно ей доверили эту маленькую, но такую значимую миссию: помочь Эларе уснуть. — Я посижу с тобой, пока ты не закроешь глазки. Элара кивнула, прижимая к себе игрушку, и включила маленький фонарик. Тонкий луч света скользнул по стенам, выхватывая из темноты то рисунок, то любимую фигурку, то вышитую надпись над кроватью: «Здесь живёт счастье». — Расскажи мне что-нибудь, — попросила Элара, глядя на Эстеллу своими огромными, уже сонными глазами. Эстелла на секунду задумалась, будто искала в памяти что-то подходящее, что не будет страшным, но будет интересным.— Однажды, — начала она тихо, почти шёпотом, чтобы голос звучал как часть ночи, — в одном далёком городе жила маленькая кошка. Она была такой крошечной, что могла спрятаться за цветком, и такой тихой, что её шаги не слышал даже ветер. Но у неё было большое сердце, и она знала одну тайну: если очень-очень сильно пожелать чего-то доброго, то это обязательно сбудется. И она каждый вечер загадывала одно и то же: чтобы все, кто одинок, нашли свой дом. И знаешь, что случилось? Элара покачала головой, не отрывая взгляда от Эстеллы.— Случилось чудо. Её желание услышали звёзды. И они стали светить ярче над теми домами, где кто-то грустил, чтобы этот свет указывал путь тем, кто ищет свой дом. И однажды она сама нашла свой дом — тёплый, уютный, полный смеха и заботы. И поняла, что теперь она не одна, и что её большое сердце наконец-то нашло место, где ему хорошо. Элара улыбнулась, её веки стали тяжёлыми, а пальцы разжались, выпуская игрушку, которая теперь лежала рядом, как верный страж снов.— Это про тебя, — прошептала она, уже почти засыпая. Эстелла наклонилась и поцеловала её в лоб, чувствуя, как внутри разливается тепло, которого она так долго не знала.— Да, — тихо ответила она. — Это про меня. И про нас всех. Она посидела ещё немного, пока дыхание Элара не стало ровным и глубоким, а потом тихо встала, выключила фонарик и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь, чтобы не впускать в сон лишний свет и шум. А я тем временем шёл по коридору рядом с Киладошей. Мы двигались медленно, будто боялись спугнуть эту хрупкую тишину, которая наконец-то опустилась на квартиру. В нашей комнате всё было привычно и уютно: кровать с мягким одеялом, на тумбочке — стакан воды и книга, которую я начал читать, но так и не дочитал, потому что день забрал все силы. Киладоша села на край кровати, сняла заколку, и её волосы рассыпались по плечам тёмным шёлковым водопадом. Она посмотрела на меня и

улыбнулась — той самой улыбкой, которая говорила: «Сегодня был хороший день. И завтра будет хороший». Я сел рядом, положил голову ей на плечо и глубоко вздохнул, чувствуя, как напряжение дня уходит, растворяясь в этом тёплом, родном запахе, в ощущении того, что я дома, что я с теми, кто мне дорог. — Иногда мне кажется, — тихо сказал я, — что самое важное в жизни — это вот такие вечера. Когда все дома, все в сборе, и даже Уголёк наконец-то утихомирился. Когда можно просто сидеть рядом и знать, что всё хорошо. Киладоща кивнула, переплетая свои пальцы с моими. — Именно. Не великие подвиги, не громкие победы. А вот это: уложить детей, посидеть в тишине, почувствовать, как день уходит, и знать, что завтра будет новый. И мы встретим его вместе. Мы легли, укрылись одеялом, и комната стала маленьким островком безопасности в огромном мире. За окном тихо шелестел ветер, где-то далеко проезжала одинокая машина, но здесь, внутри, было только тепло, покой и чувство, что мы — семья. И когда я уже почти провалился в сон, я услышал тихое мурчание. Уголёк всё-таки пробрался к нам и теперь уютно устроился в ногах, свернувшись в тёплый пушистый клубок. Он сделал вид, что это не он полчаса носился по квартире, как ураган, а теперь он самый тихий и смирный кот на свете. Я улыбнулся в темноте, чувствуя, как усталость окончательно берёт своё. День закончился. Ночь пришла. И все, кто должен быть рядом, были здесь. Это и было самое главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.